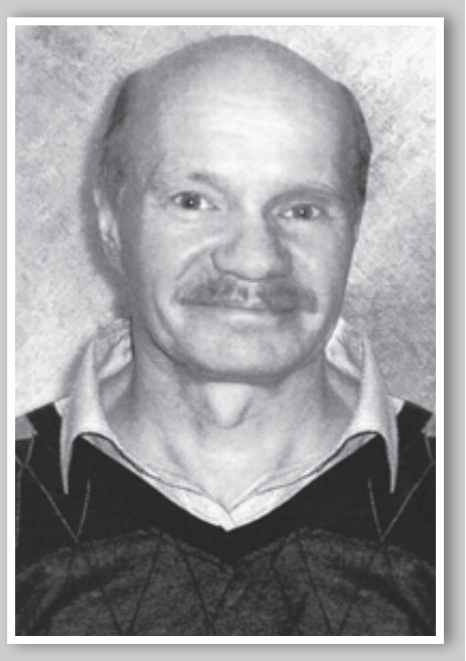
Лирика

Валерий Евдокимов

«Да, я – дитя космического века...»



Справка «ММ»

Евдокимов Валерий Александрович – поэт. Родился 6 ноября 1961 года в Магнитогорске. Учился в Челябинском медицинском институте. После службы в армии около 15 лет работал в медицинских учреждениях Магнитогорска. В 2000 году перешёл работать травильщиком в ОАО «ММК».

С 2002 года – член литобъединения «Магнит». В 2005 году стал лауреатом литературного конкурса имени Ф. Т. Селянина, проводимого ГМПР России, за поэтические произведения о тружениках горно-металлургического комплекса.

В 1998 году удостоен звания дипломанта I городского литературного конкурса имени Б. Ручьёва в номинации «Поэзия» за поэму «Магеллановы облака» и дипломанта Южно-Уральской литературной премии в номинации «Поэзия». Автор трёх поэтических сборников: «Билет до Луны» (2005, 12+), «Через Вселенную» (2011, 12+) и вышедшей в конце октября книги стихов и поэм «Вечность останется солнцу» (2021, 12+).

Идеалы юности

Мне в юности мечталось о высоком,
стихи и космос мой томили лоб:
я собирал из двух очковых стёкол
в тринадцать лет свой первый телескоп.
Порой обед бывал на заднем плане.
В глубинке сельской, к чести голубей,
взлететь пытался я на дельтаплане,
что мастерил из старых простыней.
А эти мои первые ракеты:
картонный тубус, пороха заряд?
В моих мечтах я улетал с планеты,
читая всю фантастику подряд.
Мой дом второй была библиотека.
Писались первые – о космосе – стихи.
Да, я – дитя космического века.
Мне прочие события глухи.
Пусть прошлого они не отменяли,
но я теперь живу грядущим днём:
не зря по Марсу «роверы» гуляли –
достаточно поведали о нём.
До тайн вселенских жадный и голодный,
расширил я свой тёмный горизонт:
Плутон, такой далекий и холодный,
мне показал в деталях NASA зонд.
Когда кричали о событьях судных,
то русский классик услаждал мой слух:
«О, сколько нам ещё открытий чудных
готовит просвещенья дух...»
Мне в юности мечталось о высоком,
об идеале... Только я не сноб:
ведь собирал я из очковых стекол
в тринадцать лет свой первый телескоп!

Поэт и тень

Повсюду тень за мною волочится,
как чёрная межзвёздная дыра.
Боюсь в неё однажды провалиться,
и ею поглотиться навсегда.
Спасает ночь, но только до рассвета.
В конце концов, устав колени гнуть,
спросил я тень:
– Что хочешь от поэта?
Она ответила:
– В твою проникнуть суть.
Как нерасчётлив ты бываешь, право,
в смысл не вникаешь теневых вещей.
А вдруг во мне твоя укрыта слава?
Имеешь представление о ней?
– Порок ведь тоже скрыт в какой-то мере.
– Вот ты, поэт, об этом напиши.
Всеобщий ад воспел же Алигьери,
когда спускался в темь своей души!
Я не хочу стать для тебя кошмаром.
Да ты и сам, поди, из кожи лез
испепелить меня словесным даром,
чтоб неприятный облик мой исчез.
Что невместимо в душу, ходит тенью,
выпячиваясь грыжей, целый век.
Ты получил меня в момент рожденья
и тайным заполняешь, человек.
Недаром говорят: душа – потёмки.
Жаль, этот груз не взять в небытие.
– О чем ты, тень?
– Протри, поэт, глазёнки:
я навсегда останусь на земле.
В конце концов, когда ты смежишь веки,
одна лишь я, не ведая границ,
твоей строкой вернусь в библиотеки,
твоею рифмой лягу меж страниц.
Поверь, забвенья духа не случится.
В отличие от плоти я мудра.
Пока ты жив, я стану волочиться
вслед за тобой, как чёрная дыра.

Теория разлуки

Теория разлуки неизменна...
Ты оглянись и слёзы оботри –
людей не держат каменные стены:
свет выйдет, тень останется внутри.
Уйдешь ли ты, мне тишину оставив
в моей сухой морщинистой горсти?
Как с тенью жить, я не могу представить...
О, как легко ты скажешь: отпусти!
Быть посему! Любви иссохло древо,
любая буря корни обнажит.
Легли пути: направо и налево.
А прошлому остались миражи.
Не голуби над местной голубятней,
в дом не вернёмся, где гуляет снег.
Но птица с птицей для меня понятней,
чем пара – человек и человек.
Друг другу нынче даже не приснились,
и ничего не ёкнуло в груди.
Разлуки там, где люди изменились.
Чего ты медлишь? Слышишь, уходи!

***

Примерь мне, ангел, крылья по плечу,
примерь секундой раньше до мгновенья,
когда с тобой я к звёздам полечу
до полного с Земли исчезновенья.
Когда такая выпадет стезя,
что жизнь, здоровье будут на пределе,
тогда пойму: мне попросту нельзя
назад вернуться в полугрешном теле.
Затепли, ангел, по душе свечу
такую, чтоб пространство освещала.
Возможно, в том пространстве различу
я новое духовное начало.
И тотчас судьбоносные весы,
поколебавшись, примут равновесье,
Бог для меня запустит вновь часы
и новое откроет поднебесье.
Какой бы жизнь по счёту ни была,
кем бы ни стал я, камнем или птицей,
примерь мне, ангел, новые крыла.
Они однажды смогут пригодиться.

Бабье лето

Срывая занавес рассвета,
что акварельно влажен, марок,
октябрь дарует бабье лето –
последний осени подарок.
Листву, как юбочку, оправит,
шурша по мостовой вальяжно,
где солнце восковое давит
из дичек-яблок запах бражный.
Ещё не знобко, но не жарко.
В душе расслабленность и нега.
Послушай, ворон, не накаркай
на завтра холода и снега.
Под вечер небо отстоится
глубоким ультрафиолетом,
и вздрогнет звёздное монисто
на загорелой шее лета.

Рассказ

Инна Воскобойникова-Воронова

И отзовётся голос твой родной...

Светлой памяти моей бабуси Валякиной Евдокии Георгиевны

Самое начало сентября. Светозарная осень. Воздух слоистый и сладкий... Мы идём с тобой, родная моя бабусенька, по белоствольному лесу, такие меловые берёзы случаются только на Южном Урале. Деревянный посох помогает тебе ступать увереннее, ты им осторожно ворошишь листву, траву и землю – мы находим потаённые от глаз сухие белые грузди. Целые семейки! От почтенных, ты их называешь граммофонами, до кнопочек – ростом с ноготок... Бережно срезаем грибы, вдыхая дух родимой земли после дождя...

Порой мы счастливо и бесшабашно нарушаем безмолвие, голосисто перекликаемся, хотя идём рядом...

– Бабусенькаааа! – кричу я.

– Аааааааааа! – в янтарной листве плещется эхо...

Стайка потревоженных птиц прорезает небо...

– Аинькиииии! – отвечаешь звучно, и лицо твоё лучится добротою. Мы смеёмся, вовлечённые в общую забаву, – аукаемся, а в лесу друг друга не потеряли... Ты небольшого роста, а я вытянулась, отхожу немного в сторону и любуюсь тобой – ладненькая, как народная куколка, выточенная умелым мастером в одном экземпляре, круглолицая, курносая, румяная, в тёплом малиновом платочке, опрятной курточке. Поверх неё повязан цветной фартучек. В него ты собираешь матрёшку или душицу обыкновенную. Но для нас она волшебная. Зимой будем пить чай из больших зелёных чашек в белый горох, смакуя каждый благоуханный глоточек, и «гутарить» обо всём помаленьку. В свою красивую русскую речь ты вплетаешь диалектные слова, и я понимаю твой язык и на нём тоже иногда разговариваю. Например, ты «шишлишься», значит, хлопочешь по хозяйству... Когда печёшь – объясняешь, что «пекчи удумала»... У тебя невероятно лакомо выходят пельмени, хворост, «Наполеон»... Особый разговор о «Дружной семейке» – пироге, состоящем из булочек с вареньем. Они «приушипиваются» друг ко дружке во время выпекания, но живо разбегаются, как только ты их достаёшь из печи. Настолько вкусно!

А сейчас мы «ишшем» грузди...

Но набрели на бусины запоздалой костяники. На солнце они выглядят как рыбьи икринки. Находим заплутавший в осенней листве колоколец, встречаем стрекозу, волнушку... Ты всему радуешься, как чуду, останавливаешься, всё для тебя здесь родное, ведь ты выросла в лесу, ты – его составляющая...

...И снова набираю в лёгкие побольше воздуха и восклицаю:

– Бабуууууусенька!

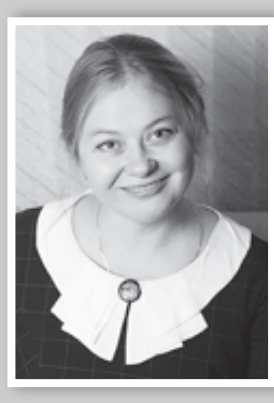
– Вольница ты моя, – улыбаешься мне и уже негромко протягиваешь «Ааааааааиньки»...

Тебе свойственны пасхальная радость и лёгкая поступь – что бы ни случилось, какие бы вихри ни вились над тобою, соскакиваешь, влекомая каким-то светоносным ветром, сбрасываешь свои хворобы и печали – торопишься помолиться, помочь, наполнить, обнять, утешить, а коли поют гармошка с балалайкой – ударяешься в пляс да сыплешь частушками... Будто и не было в твоём малолетстве раскулачивания, лишений, голода и страшных болезней, в молодости – войны и страданий, в старости – тревог и немощей...

Так же радостно и, казалось, легко, бабусенька, ты занималась своим любимым рукоделием. Недаром слыла искусной тонкопряхой. С детства помню вращающееся колесо прялки, позвякивание спицы о спицу – ты не просто пряла нить, вязала пуховые паутинки, а бережно вплетала в мою судьбу счастие, благословляя нежными словами: «Ягодка моя, зёрнышко моё золотое, ребёнчишка, детворишка, яичушко моё пасхальное...»

...Все твои молитвы, заветы, приговорки, сказки, частушки я не просто храню в малахитовой шкатулке памяти, но передаю, как редкие самоцветы, своим дочкам, временами замечая, что они тоже дороги им. Дома они иногда впрядают в свою речь твои диалектные слова, напевают твои песни! Правнучки тоже помнят тепло твоих ладоней, они на тебя похожи, хотя у них свои характеры, пути и ритмы...

Ты ушла в лучший мир и осталась рядом, поэтому у меня есть полное ощущение, что если мы крикнем в лесу «Бабусенька!!» – ты обязательно услышишь. Поставишь на землю корзинку с грибами, подойдёшь к нам поближе мелкими шажочками, ласково на нас поглядишь... И снова осень будет светозарной, воздух – слоистым и сладким, запахнет сухими груздями, и отзовётся голос твой родной: «Аинькиииии!!»



Справка «ММ»

Инна Владимировна Воронова (в девичестве Воскобойникова) – поэт, прозаик, журналист, литературный критик. Живёт в Переделкине Московской области.

Родилась 28 апреля 1978 года в Магнитогорске в семье металлурга-прокатчика и преподавательницы музыки. В школьные годы занималась в литературной студии «Пегас» под руководством Натальи Соболевой. В 1992 году, после первой публикации стихов в газете «Магнитогорский рабочий», Инне присудили стипендию программы «Одарённые дети Магнитки».

В 1995 году, окончив Магнитогорский лицей РАН с золотой медалью, поступила на филологический факультет Магнитогорского государственного университета. С 2000 года работала корреспондентом газеты «Магнитогорский металл». В издательстве Магнитогорского лицея РАН в серии «Лицейские поэты» вышла книга стихов «Подснежники» (12+).

В 2005-м поступила на Высшие литературные курсы при Литинституте имени А. М. Горького. В 2004-м была принята в Московскую организацию Союза писателей России, работала корреспондентом в Международном сообществе писательских союзов. В настоящее время работает экскурсоводом в Переделкине и Москве.